

Е.Л. Назарова

**ЛАТЫШСКАЯ ДИВИЗИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
ЛАТВИИ И РОССИИ (ПО ПИСЬМАМ С ФРОНТА 1941–1945 гг.)**

***Аннотация:** В статье раскрывается содержание издания «Письма с фронта» («Vēstules no Frontes»), вышедшее в 1984 г. и включавшее 237 писем воинов латышской стрелковой дивизии (с 1944 г. – 130 гвардейского корпуса) и летчиков полка ночных бомбардировщиков. Предполагалось, что опубликованные письма будут изучены с точки зрения роли латышей в победе над фашизмом. Но после восстановления независимости Латвии и официального признания советского периода годами «оккупации» латышей, сражавшихся в Красной армии, объявили жертвами агрессивного режима и советской пропаганды.*

В статье на основании выдержек из писем и опубликованных целиком трёх писем показано, что участие в войне против нацистской Германии было их личным осознанным выбором.

***Ключевые слова:** 201 (43 гвардейская) Латышская стрелковая дивизия; эвакуация из Латвии в 1941 г.; оборона Москвы в 1941 г.; бои на Северо-Западном фронте в 1942 г.; «Курляндский котел»; Юрис Бумбиерис; Зента Озола.*

**Назарова Евгения Львовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН). Москва, Россия.
E-mail: ezis08@gmail.com
ORCID ID 0000-0002-8583-9949**

Nazarova E. L.

The Latvian Division of the Red Army in the Historical Memory of Latvia and Russia (Based on Frontline Letters, 1941–1945)

***Abstract.** The article presents the contents of the publication Letters from the Front (Vēstules no Frontes), published in 1984, which included 237 letters from soldiers of the Latvian Rifle Division (from 1944 – 130th Guards Corps) and pilots of the night bomber regiment. The letters were originally intended to be studied to understand the role of Latvians in the victory over fascism. However, after Latvia's restoration of independence and the official recognition of the Soviet period as the years of "occupation", Latvians who fought in the Red Army were declared victims of an oppressive regime and Soviet propaganda.*

Based on abstracts from the letters and the content of three fully published letters, the author demonstrates that participation in the war against Nazi Germany and for the liberation of Latvia was a personal, conscious choice of these soldiers.

Keywords: 201st (43rd Guards) Latvian Rifle Division; the evacuation from Latvia in 1941; defense of Moscow in 1941; battles on the North-Western Front in 1942; «Kurland Cauldron»; Juris Bumbieris, Zenta Ozola.

**Nazarova Evgeniya L'vovna – PhD in History, Senior Resercher, Institute of General History Russian Academy of Science (IVI RAS). Moscow, Russia.
E-mail: ezis08@gmail.com
ORCID ID 0000-0002-8583-9949**

На фоне изменения в странах Запада исторической памяти о роли Советского Союза и Красной Армии в годы Второй мировой войны особую активность проявляют государства Балтии, объявившие время нахождения в составе СССР периодом полувековой «оккупации».

Наиболее показательна перемена акцентов в Латвийской Республике, начавшаяся уже накануне восстановления независимости. Считавшиеся в советское время национальными героями воины Латышской стрелковой дивизии (затем корпуса) Красной Армии стали приверженцами «оккупантов»; об их самоотверженном участии в освобождении Латвии от нацизма в стране не упоминают, при этом для формирования новой исторической памяти уничтожаются памятники воинам Красной Армии (показателен в связи с этим снятый в 2023 г. документальный фильм латвийского режиссера А.И. Яковлева [Забывать латышского снайпера 2023]), взамен воздвигаются мемориалы легионерам СС, воевавшим в составе нацистской армии.

Столь резкое изменение объясняется тем, что после 1991 г. была легализована память о легионерах СС и национальных партизанах («лесных братьях»), воевавших против советской власти в 1944–1956 гг. [Strods 2004]. Эта память в большем или меньшем размере сохранялась в латышском обществе в качестве подпольной истории, подогреваемая как ошибками в экономической и национальной политике союзной и республиканской властей, нарастающим кризисом социализма в СССР, так и активной антисоветской пропагандой из-за рубежа.

В отличие от Латвии, в современной России памятники в местах захоронения латышских воинов в Московской, Калужской, Псковской, Новгородской, Калининградской областях сохраняются и пользуются уважением у местных жителей как часть памяти россиян о борьбе с фашизмом (Мемориалы латышским стрелкам и др.).

В контексте сохранения памяти о Великой Отечественной войне помимо выходящих в советское время исследований о боевом пути латышской дивизии (корпуса) и летчиков полка ночных бомбардировщиков Красной армии (см. подр.: [Петренко 2010, с. 3–26]) большой интерес представляют современные интернет-публикации о латышских воинах в российском сегменте Интернета. Но в России до сих пор практически неизвестен такой исторический источник о войне, как издание «Письма с фронта», вышедшее в свет в 1984 г. на латышском языке [Vēstules no Frontes]. На русский язык письма не переводились, хотя они являются важным источником и для российской истории, содержат материал, неиспользованный в отечественной историографии.

Издание составлено латышскими историками и архивистами под руководством чл.-кор. АН Латвийской ССР Винсента Каралюна, письмо которого тоже включено в собрание [Vēstules no Frontes. No 138, p. 212–214]. В книгу вошли письма воинов 201-й Латышской дивизии (с 1942 г. – 43-я гвардейская дивизия; в 1944 г. вместе с вновь созданной 308 дивизией объединены в 130-й гвардейский стрелковый корпус) и летчиков авиационного полка в составе Красной армии, с лета 1941 до победы в 1945 г.

Работа над книгой продолжалась шесть лет; письма собирались в архивах Латвии и у родственников авторов писем. Это было последнее из вышедших в советское время на латышском языке научных изданий о боевом пути латышских советских воинов в годы войны. Тогда предполагалось, что книга о роли латышей в борьбе с нацизмом найдет широкого читателя. Пока шла работа над книгой, о ней много писали в латышской прессе и публиковали некоторые письма [Frontinieku vēstules zīmējumi, 8.lpp; Karavīru vēstules, 7.lpp; Naida un cildenuma, 2.lpp].

Но в современной Латвии этому собранию писем не находится места в контексте официальной исторической памяти государства. В большой диссертационной работе о социально-политических процессах в латышской стрелковой дивизии в 1941–1943 гг. И. Ермацане книга «Письма с фронта» характеризовалась как «сознательный и целенаправленный» проект, характерный для «политического строя», который должен был запечатлеть существенную роль советского человека в разгроме фашизма [Jermacāne 2014, 22.lpp]. Подтверждение концепции своей работы (в целом интересной по обилию использованных архивных данных и печатных работ) – латышские воины Красной армии, как и все латыши, были якобы жертвами сталинского «оккупационного» режима, – Ермацане ищет в письмах (голод в частях на фронте, плохая медицинская помощь и др.). Некоторые из опубликованных писем она видела в архиве, но считает такие письма «отцензурированными», а патриотические фразы в них – «штампами», требуемыми цензурой [ibid., 144–146.lpp].

Разумеется, письма подвергались цензуре, как и во всех армиях, особенно в военное время. Но очевидно, что в представлении автора диссертации, латышские воины писали о том, что их цель «разбить фашистов» и «освободить

родную Латвию» не потому, что так искренне думали, а потому, что это соответствовало требованиям советской идеологии.

В стремлении показать историю латышской дивизии с исключительно «черной», неприглядной стороны Красной армии и подчеркнуть тем самым порочность советского строя Ермацане не одинока. Такой подход характерен для современной латышской историографии, рассматривающей латышских воинов как жертв «оккупационного» режима [Radovics].

В такой ситуации полезно еще раз обратиться к письмам как важному источнику о латышских воинах в Великой Отечественной войне. Разумеется, письма – достаточно специфический источник, отражающий как реальные события, так и личные восприятия этих событий конкретным автором, в том числе нежелание тревожить родных в тылу, избегая страшных подробностей фронтовой жизни. Кроме того, в книгу включена лишь малая часть сохранившихся в архивах писем: 237 из пяти с половиной тысяч (согласно данным И. Ермацане [Jermacāne 2014, 22.lpp]). Но они сообщают такие детали о ходе боя, о поведении и переживаниях бойцов, раскрывая человеческие качества воинов, которые обычно не отражались в сводках командования, донесения и других официальных документах. Поэтому всестороннее изучение содержания писем актуально для восстановления истории войны и создания представления об участии в ней той части латвийцев (латышей и представителей других наций, живших к началу войны в Латвии), которые видели свою миссию в борьбе с нацизмом на стороне Советского Союза.

Отметим, что в книге «Письма с фронта» есть эдиционные недостатки, не позволяющие в полной мере оценить опубликованные письма как исторический источник. Так, составители не указывают, чем они руководствовались, выбирая письма для публикации из общей массы в архивах. Не объяснено, что означают многоточия во многих письмах: было ли так в оригинале или письма не сохранились целиком, были повреждены, поэтому не весь текст можно прочесть (о таких дефектах в общем упомянуто в предисловии к изданию); не исключено, что что-то вычеркивалось по соображениям цензуры. Кроме того, по данным составителей, некоторые письма написаны по-русски, но в книге все они переведены на латышский язык, что мешает составить полное представление об их авторах.

Всего в книге упомянуто 744 человека, из них – 121 автор писем. Подавляющее большинство их пошли на фронт добровольно. Для всех авторов и для значительной части названных в письмах лиц приводятся краткие биографические сведения, что позволяет представить ту часть латвийского общества, которая в 1940 г. приняла советскую власть и участвовала в строительстве Латвийской Советской республики. Многие авторы писем участвовали в революционном движении в буржуазной Латвии, были коммунистами с довоенным стажем; из них 32 человека, в том числе четыре женщины, за свою революци-

онную деятельность сидели в тюрьмах. Некоторые авторы писем участвовали еще в Гражданской войне в России, а также в войне в Испании. Это опровергает существующее в современной Латвии мнение о социальном и классовом мире в обществе Латвийской Республики – якобы, между жителями страны «не было непреодолимой вражды» [(Divas) puses 2012, 13.lpp].

Несостоятельно и определение сторонников советской власти как «деклассированных элементов» [Lariņa 2002, 2.lpp] Среди авторов и упомянутых ими родственников, друзей и знакомых были представители разных социальных слоев и профессий, партийные, государственные деятели, работники местных административных и судебных органов, педагоги, милиционеры, студенты – комсомольцы, курсанты Рижской пехотной военной школы, летчики, начавшие служить еще в Латвийской Республике.

Эти люди первыми отразили наступление гитлеровской армии и отступали с боями из Латвии. Именно они составили костяк 201-й (с 5.10.1942. – 43-й гвардейской) латышской дивизии, защищавшей Москву, сражались на Ленинградском и Волховском фронтах, в составе 130-го гвардейского латышского корпуса с лета 1944 г. участвовали в освобождении Латвии.

По национальному составу авторы писем – латыши, латгальцы, русские, евреи, что отражает многонациональный характер довоенной Латвии. Кроме того, часть авторов писем – латыши, большую часть жизни прожившие после революции или уже родившиеся в СССР. Среди упоминаемых в книге есть люди с русскими именами – выходцы из разных частей Советского Союза: из национально-смешанных семей, также этнические русские, пополнявшие состав латышских частей в связи с огромными потерями в первых же боях под Москвой. Такое пополнение было вынужденным, ибо уже к осени 1942 г. годных к службе жителей Латвийской ССР и латышей из других регионах СССР в советском тылу почти не осталось [Савченко 1975, с. 209], а не потому, что «Сталин не доверял национальным частям» и их надо было разбавлять русскими [Lariņa 2002, 12.lpp].

Возраст авторов писем в основном от 25 до 40 лет; несколько человек, старше 40 лет, а двадцати авторам на начало войны было 20 лет и менее. Более половины авторов писем с войны не вернулись.

Публикация разделена на части: Отступление из Латвии (причем, воспоминания о первых месяцах войны и отступлении из Латвии встречаются в письмах вплоть до 1943 г.); Формирование дивизии и боевая подготовка в Резервном полку в Гороховецких лагерях; Бои под Москвой; Бои под Старой Руссой; Освобождение Латвии; Курляндский котел.

Почти все опубликованные письма представляют интерес в качестве исторического источника. Но в одной статье можно дать лишь общее представление о содержании писем, остановившись на наиболее показательных рассказах очевидцев событий.

Письма передают накал трагических событий первых дней войны. Рига была занята немецкой армией уже 1 июля 1941 г. Но организованная с первых часов войны оборона города, а также оборона удерживаемого до 29 июня города-порта Лиепая, которую по накалу и драматизму событий сравнивают с оборонной Брестской крепости [Благов 2008; Савченко 1985; Исаев 2020, с.7] дали возможность отправить на восток эшелоны с оборудованием, а также с женщинами и детьми. А с 26 июля поток беженцев из Риги отправился на север к эстонской границе, где в г. Валке был организован эвакуационный пункт. Расстояние почти в 150 км беженцы преодолевали в основном пешком, шли без отдыха, стирая в кровь ноги. Те, кому удалось забраться на открытые платформы военных эшелонов, почти сутки ехали под проливным дождем и сильным ветром. К Валке отходили также рабочие гвардейцы с побережья из Вентспилса и бойцы истребительного батальона из Елгавы, получившие приказ оставить город.

Те, кто уходил с семьями, отправляли родных эшелонами из Валки в тыл, а сами организовались в истребительные батальоны. Плохо вооруженные, они сражались в Эстонии с немецкими диверсантами и отрядами латышских и эстонских националистов. В городах Валке и Валмиере были сформированы два рабочих полка – всего около трех тыс. бойцов. Но после первых боев в Северной Латвии почти полностью погибли бойцы комсомольской роты из студентов Латвийского университета. После отступления из Латвии часть бойцов батальонов и полков присоединились к обороне Таллинна, другие – к регулярной армии на Ленинградском и Новгородском направлениях, где также понесли большие потери. Так, в одном из истребительных батальонов, преобразованных в роту и вооруженных английскими карабинами, у которых не было патронов, после первого тяжелого боя под Старой Руссой из 167 бойцов их осталось только 64 [Vēstules no Frontes 1984, 15–45.lpp].

Из Резекне в Латгалии сотрудники советских учреждений успели эвакуировать документы и всех желающих, а 3 июля сами уезжали на автомобиле, по которому сзади гранатами бил немецкий танк. Все же они сумели дойти до г. Острова под Псковом. К Острову же через всю Латвию добирался отряд милиционеров из Вентспилса [Vēstules no Frontes 1984, 69–70.lpp, 142–143.lpp, 206–207.lpp].

Те, кто остался после первых боев в живых, вступили в 201-ю латышскую дивизию, формирование которой началось с августа 1941 г. в Гороховецком лагере (Горьковская обл.). Дивизия формировалась как национальная, со своей символикой, языком, традициями. В лагере выступали латышские артисты, проводились национальные праздники, исполнялись народные песни. Лагерь постоянно посещали руководители Советской Латвии. После отправки дивизии на фронт в лагере располагался Резервный полк, где в национальной атмосфере шла интенсивная подготовка к боевым действиям. В письмах воинов Гороховецкий лагерь называли «местом, где встречаются все пути латышей»

или «частью нашей маленькой Родины» [Vēstules no Frontes 1984, 58–59.lpp, 66–68.lpp; 186–187.lpp; 198–200.lpp].

Обстановка в лагере и дивизии подкрепляла ощущение бойцов, что они сражаются не просто за освобождение Латвии, а чтобы освободить мир от фашизма. О неременной победе, за которую можно умереть, в письмах писали уже с первых необычайно тяжелых месяцев войны. Ощущение своей общечеловеческой миссии придавало им оптимизм [Vēstules no Frontes 1984, 16, 22–25, 31, 48–49, 64, 129, 207, 244.lpp] в отличие от достаточно пессимистического настроения латышских легионеров, которые судя по их дневникам, хотя и воевали за независимую Латвию, мало верили в победу [см., например: (Divas) puses, 326–327.lpp].

Кроме тяжелейших боев зимой 1941 – весной 1942 г. бойцам дивизии приходилось преодолевать морозы и голод. В конце января под Боровском был «чертовкий холод» – до -40°C . Люди от простуды «теряли голос, издавали только хрип, хрюканье, у других кашель похож на собачий лай». Но все же бойцы сумели обойти немцев и зажечь у них в тылу костры на холме [Vēstules no Frontes 1984, 96.lpp].

Неоднократно возникали и проблемы с питанием, вызванные, главным образом, отставанием обозов от двигавшихся вперед войск. Вопрос питания неоднократно вставал и в письмах. Когда в войсках получали продовольствие, бойцы не только наедались сами, но и кормили «местных, у которые немцы все отобрали» [Vēstules no Frontes 1984, 25.lpp]. Наиболее тяжелое положение сложилось во время боев под Старой Руссой, о чем неоднократно писали современные историки [Савченко 1975, с.185; Петренко 2010, с. 43–44]. В день бойцы получали по 100 г хлеба и нечто подобное супу, а при увеличении пайка до 400–500 г в день и более наваристого супа в мае 1942 г. писали, что «почти наедались» [Vēstules no Frontes 1984, p. 142–143]. Но сообщали об этом обычно, в ряду других событий фронтовой жизни.

И. Ермацане отмечает, что подавляющее большинство из 50 изученных ею в архиве МО РФ дел дезертиров из дивизии, приходится на время боев под Старой Руссой в марте 1942 г., когда воинам дивизии приходилось голодать [Jermacāne 2011, p. 159–164]. Но дивизия не была в особом положении: голодали тогда не только латыши, но и бойцы других частей 1-й ударной армии, в состав которой входила тогда Латышская дивизия.

В письмах отразилась и необычайно эмоциональная встреча латышских воинов с родиной после вступления дивизии на территорию Латвии 17–18 июля 1944 г. Писали: «Когда перешли границу и поговорили с жителями, <...> у многих были слезы радости <...> 57-летний водитель транспорта плакал, <...>; «с каждым шагом росло чувство восторга и счастья»; «это незабываемый момент, некоторые из нас так расчувствовались, что целовали камни, родные камни» [Vēstules no Frontes 1984, p. 295, 297, 300–301, 319].

Последний период сражения уже 130-го латышского корпуса Красной Армии – бои в так называемом Курляндском котле с конца 1944 и до 10 мая 1945 г. В историографии к этим событиям обращались неоднократно [Петренко 2010, с. 140–147; Савченко 1975, с. 536 и след.; Куровски 2010; Шелякин 2008 и др.] Авторы же писем передают напряженность этих боев непосредственно из окопов, показывают самоотверженность красноармейцев, несмотря на то что «было обидно погибнуть в самом конце войны». Сопrotивляясь наступлению Красной армии, «фриц как раненный зверь, чувствуя свою смерть, становится все свирепее и опаснее»; «они бьются как черти, чтобы вернуть прежние позиции <...> только после каждого контрудара перед нашими окопами растет гора трупов», они «согнали большие силы и танки», так что «борьба становится острой и взрывной», «никогда прежде не было столь напряженно»; «их танкисты всё еще настоящие фашисты, которые сражаются до последнего»; «но пантеры и фердинанды горят, как листья, под ударами наших тяжелых гаубиц». Окончательно Курляндская группировка германской армии сдалась только 10 мая, но первая группа немцев подняла белый флаг в расположении латышского полка уже днем 8 мая, т. е. еще до подписания акта о капитуляции под Берлином [Vēstules no Frontes 1984, p. 316, 322, 324, 326, 328].

Рвались на фронт и совсем молодые ребята. Самым молодым из авторов писем был Юрис Бумбиерис, сын политэмигрантов, родившийся в 1926 г. под Москвой. После гибели отца и окончания школы в 1943 г. в неполные 17 лет Юрис попал в Резервный полк, где учился воевать наравне со взрослыми, участвовал в марш-бросках по 20 км в день с полной выкладкой, натирая ноги, так как «сапоги были слишком большие». При этом совсем по-детски он писал матери и сестре, что в учениях «было интересно», что он вовсе не слабый и «не вздумайте меня жалеть!» [ibid., p. 198–199].

В августе 1944 г., когда Резервный полк был преобразован в 308-ю дивизию и отправлен на фронт в Латвию, Юрис стал ефрейтором и командиром отделения. Из Латвии он писал, что местные жители несут им ведрами молоко, кормят хлебом и сметаной – что, кстати, передает отношение местных жителей к советским воинам как к освободителям, а не как к «оккупантам». Он звал родных приехать в «нашу Ригу», как только ее освободят [Vēstules no Frontes 1984, p. 303–304]. Но сам Юрис до Риги не дошел, погиб при форсировании Даугавы, не дожив двух месяцев до 18 лет.

Наибольшей популярностью в дивизии пользовалась санинструктор, позже корреспондент дивизионной газеты «Latvijas Strēlnieks» («Латвийский стрелок») Зента Озола, родившаяся 2 декабря 1923 г. В книге опубликованы два письма Зенты к другу её семьи, в 1941 г. – сотруднику НКГБ ЛССР Александру Норкусу (Alersandrs Norkus, 1903–1961) и письмо к нему же ответственного редактора дивизионной газеты Волдемара Калпиньша после гибели девушки.

Рассказы о Зенте вошли в разные воспоминания ее сослуживцев, со временем менявшиеся в деталях, но сохранившие любовь и уважение к ней [см. о ней: Озола...История]. Содержание писем уточняет и дополняет сведения о Зенте, показывает, как вчерашняя школьница превращается в бесстрашного бойца, четко понимающего за что постоянно рискует жизнью.

В начале войны Зента, которой еще не было 18 лет, вместе с группой других комсомольцев попали не на фронт, как они думали, а в тыл, в чувашский колхоз, где начали овладевать профессией тракториста. В колхозе городские ребята оказались в непривычных для них условиях, не зная русского языка. Ребят вскоре призвали в армию, Зенту по молодости лет в армию не взяли. Стремление же Зенты попасть на фронт вслед за своими товарищами было исполнением ее первоначального желания сражаться с врагом, а не попыткой избежать трудностей жизни в эвакуации. И. Ермацане относит Зенту к немногочисленной «идейной» части латышей-добровольцев, которые под влиянием советской пропаганды считали своей задачей борьбу с фашистами. Другие же латышские добровольцы и мобилизованные, якобы, предпочли отправиться на фронт, к своим и в более «сытые» условия, ибо не могли смириться с работой в колхозе или на фабрике в чужой для них среде [Jermacāne 2014, p. 144–145].

Конечно, представление о колхозах у молодых латышей, тем более в военных условиях, было далеко от реальности. Тем не менее подобные причины их выбора не вяжутся с личной самоотверженностью большинства бойцов дивизии и с тем, что дезертиров было всего 50. Да и «сыто» на фронте было даже менее, чем в тылу, что кстати, отмечает сама Ермацане [Jermacāne 2014, p. 130–133].

Зента была не единственной «идейной» девушкой-санинструктором в дивизии. На год моложе ее была Эдите Элзе Пола (Edīte Elza Pole, 19.09.1924–23.02.1943), смертельно раненная под Старой Руссой [Vēstules no Frontes 1984, p. 178–179], а также дожившая до наших дней Валентина Милюнас (Valentina Milyunas, 1923 – после 2018) [Милюнас Валентина Ивановна; Березовская, 2019, с. 12–13].

Боевое крещение Зента получила в боях под Наро-Фоминском (с 1 по 5 декабря 1941 г.), под шквальным огнем вытаскивая раненных бойцов с поля боя. За бой 12 августа 1942 г. она была представлена к Орденом Красной Звезды. Хотя она числилась санинструктором минометного батальона, но, как было сказано в представлении к награде, когда минометчики были приданы стрелковым ротам, она не осталась на перевязочном пункте КП батальона, а отправилась на поле боя, перевязала и вытаскила на себе из боя «вместе с оружием 32 бойца и командира, собрала и доставила на себе 2500 патронов и 120 гранат» [Озолс Зента Юльевна]. Из-за тяжелых боев представление к награде было составлено только через месяц – 20 сентября.

Чтобы уберечь от гибели, Зенту перевели на работу в дивизионную газету «Латвийский стрелок» («Latvijas strēlnieks»). Как военный корреспондент, она обходила части, собирала информацию, публиковала статьи в газете [Ozola 1942, Ozola, 1942a]. По воспоминаниям ее сослуживцев, уже бывая на передовой в качестве военного корреспондента, Зента брала с собой санитарную сумку и помогала раненым в бою [Подлубный 2016a]. Но, судя по письму от 12 ноября, она так делать не могла, ибо это не входило в ее служебные обязанности. Хотя на передовой она бывала, испытывая судьбу. Нарушила ли она воинскую дисциплину и пошла помогать раненым в бою, или просто попала под обстрел, но 9 декабря 1942 г., через неделю после своего 19-летия, она погибла от осколка мины (или снаряда). А 10 декабря пришел приказ о награждении ее орденом Красной Звезды. Ее похоронили на холме у д. Туганово недалеко от Старой Руссы, а в 1958 г. перезахоронили в Риге на Братском кладбище [Подлубный 2016a].

В советское время во дворе школы, где училась Зента Озола, ей поставили памятник (памятный камень), а школа носила ее имя. Ее имя носил и корабль Латвийского пароходства [Meitene 1973, p. 4–6]. А в 2023 г. памятник снесли [Ржавин 2023]. Таким образом, Зенту убили второй раз, а нынешние ученики этой школы получили наглядный урок создания новой исторической памяти.

Публикуемые далее письма – это памятник Зенте, который не смогут уничтожить современные идеологические вандалы. Письма печатаются по текстам в издании «Vēstules no Frontes» (Vēstules no Frontes 1984, p. 226–229) в переводе на русский язык автора настоящей статьи. Фотокопии оригиналов писем хранились в Центральном государственном архиве Октябрьской революции Латв. ССР, теперь в Латвийском Государственном архиве [LNA LVA].

1. Зента Озола Александру Норкусу в Москву 12.11.1942

Привет из армии!

Сегодня получила записку от командующего дивизии, из которой следует, что меня кто-то разыскивает. Там прочитала твое имя – и вдруг вспомнила снова всю нашу прежнюю жизнь в Риге, о которой хочу по возможности меньше думать, как о такой, какая больше никогда не вернется. Но ведь, в конце концов, ты как-то узнал, что я в дивизии. Но как?... (здесь и далее многоточие в тексте письма. – *Е. Н.*) Теперь опишу все, что случилось со мной.

Война началась 22 июня. В тот день пошла в райком комсомола (досл. лат.: komjaunatnes rajons – комсомольский район. – *Е. Н.*) Мама с Велтой еще раньше уехали за город. Папа еще работал на фабрике (см. Примеч. 1).

Примерно 24 июня вернулась еще раз домой. Тогда последний раз видела папу и Ансиса (пса. – *Е. Н.*) Дома была только пару минут, затем ушла и больше не видела ни свой дом, ни папу. 27-го вместе с комсомольцами выехали

из райкома, как мы думали, на фронт. Но были разочарованы. Нас посадили в эшелон, и мы ехали примерно месяц. Во время этой поездки я поняла, что больше никогда не увижу ни Велту, ни маму, ни папу. Ничего нельзя было сделать. Приняла это как комсомолка – сжав зубы, без слез. Нас отвезли еще за Горький, в Чувашскую республику и поселили в колхозе. У меня ничего не было, ни сантима денег, ни знакомых, ни одежды, и не понимала по-русски.

Начала учиться на тракториста, но все время сохраняла желание попасть на фронт. Из того района начали набирать добровольцев в латышскую дивизию. Как ни старалась, меня не взяли. Когда уехали наши латышские ребята, я совсем потеряла покой. Ушла из колхоза, никому ничего не сказав, села в эшелон и так добралась до расположения дивизии (под Гороховцом. – *Е. Н.*) Но и здесь меня никто не принял. Три раза меня отправляли прочь, но я каждый раз возвращалась, в том числе дошла до самого командира дивизии (см. Примеч. 2).

Меня послали работать на фабрику в 40 км от дивизии, но через месяц я снова вернулась, и, наконец, мне все же удалось убедить. Меня взяли санитаркой в стрелковый полк. Вот так начался мой путь воина. С того дня хожу в красноармейских брюках, в гимнастерке, и тебе, наверное, покажется забавным увидеть меня такой, но я уже так привыкла, так что не знаю, как привыкну к платью. 4 декабря наша дивизия получила приказ отправиться на фронт. С огромной радостью и восторгом мы встретили это известие. Наступили дни, в которые по-настоящему узнали военную жизнь.

Несколько сот километров перехода. Конечно, и меня никто не подвозил. Шла радостная, что я совсем такой же красноармеец, как все остальные. Во время переходов приходилось не спать ночами, мороз, однако, не снизил нашего желания сражаться. И начались дни под Наро-Фоминском. Ты, наверное, слышал об этих боях. Уже с первого дня я участвовала вместе со стрелками в бою. Сама не знаю, как начала делать работу санитары, хотя никогда этого не делала. Здесь моментально привыкаешь ко всему: к смерти, которая свирепствует кругом, к разрывам мин и пушечных снарядов, которые иногда взрываются близко-близко, осыпая грязным снегом, землей, осколками. Рядом падают товарищи, зовут санитаров. Я, не поднимая головы, лечу от одного к другому. Перевязываю и чужих, и своих (бойцов других батальонов и рот. – *Е. Н.*) И мне посчастливилось, меня не ранили, не убили. Осколки порвали шинель, шапку, но мне ничего. Те дни не забуду. В моментах, когда замолкал шум битвы, сидела в снежной яме и думала, как странно, что раньше никогда бы не подумала, что может быть так, как теперь.

Наши сражения продолжались. Из Наро-Фоминска отправились дальше. Все время шла вместе со всеми, работала санитаркой. Дивизия – мой дом, другого у меня не было. Не знаю, почему всё больше люблю свою работу, именно на поле боя – во время наступления. Там я осознавала, что исполняю самый настоящий долг перед Родиной. Многие даже здесь удивлялись тем девочкам (санинструкторам. – *Е. Н.*), которые идут со стрелками. Но нечему удивляться. Самое значимое –

выполнить долг. Вот видишь, как я изменилась. Ты когда-то знал меня другой. Но война – это то, что больше всего раскрывает людей и преображает их. Уже год я живу здесь в дивизии, из которой я теперь не смогла бы уйти. Здесь полностью сформировались мои взгляды, утвердилась моя уверенность, возможно, я стала старше, как об этом можно думать в моем возрасте. Здесь в дивизии у меня единственные друзья – люди, с которыми вместе лежали в песчаных траншеях, когда неистовствовал ураганный огонь немцев, с которыми вместе понимались, когда с криками «за Родину» бросались вперед (см. Примеч. 3).

Ты не думай, что я романтична. Это правда: в такие моменты люди чувствуют свое единение, как никогда, возможно, этого не могло бы быть в других обстоятельствах. Уже почти целый год наша латышская дивизия проводит в боях. Сегодня мы гвардейцы, которыми гордится весь наш народ. Сейчас снова готовимся к боям, в которых скоро будем участвовать.

У меня произошли перемены. Приказом по полку меня перевели работать в нашу дивизионную газету «Латвийский стрелок». Я больше не санитарка, а военный корреспондент. Работа интересная. Надо ходить по стрелковым ротам и познакомиться со всеми. Делаю это охотно, хотя не участвую в боях, но когда увижу, что снова наши парни идут в бой, то знаю, что очень захочется пойти с ними с санитарной сумкой. Ну, теперь уже ничего нельзя сделать.

Я уже кандидат в члены партии и в настоящее время уже начинаю готовиться к вступлению в партию как ее член.

И теперь тебе надо будет рассказать обо всем, где ты был, где твоя жена, как выехал из Латвии, что теперь делаешь. Может быть, знаешь адрес наших родственников в Москве (Примеч. 4).

И самое последнее, о чем боюсь тебя спросить, так как почти слышу точный ответ – не знаешь ли что-нибудь о моих папе и маме? Ну, я это уже пережила и это больше не больно. Напиши, что знаешь обо всех знакомых. Пиши быстро, очень много и основательно. Я ужасно рада, что узнала о тебе. Ну, все на этот раз. Напиши, тогда я опять расскажу тебе о своей жизни на войне. Всего хорошего!

Зента Озола

Примечания

1. Родные Зенты – мать Беата (Beata Ozola), отец – Юлийс (Jūlijs Ozols) и старшая сестра Велта Озола (Velta Ozola) [Vēstules no Frontes 1984, p. 229] в эвакуации не были. Велта жила после войны в Латвии. Ее рисунки иллюстрируют статью к 50-летию Зенты [Meitene 1973, p. 4–5].

2. Командиром дивизии в 13.08.1941 – 21.12.1941 был полковник (позже – генерал-майор) Янис Вейкинс (Jānis Veikins, русифиц. – Вейкин, 1897–1979). В книге опубликовано его письмо к жене Татьяне Вейкиной [Vēstules no Frontes 1984, p. 172–173].

3. В полку у Зенты был любимый человек – боец Петерис Симанис, погибший, судя по воспоминаниям сослуживцев, вскоре после нее [Подлубный 2016б].

4. Известно, что Велта Озола родилась в Москве в 1921 г. [Vēstules no Frontes 1984, p. 229]. Вероятно, родители во время 1-й мировой войны были в эвакуации. Очевидно, кто-то из их родственников остался в Москве.

2. Зента Озола – Александру Норкису в Москву 28.11. 1942

Привет, Саша.

Сегодня получила твою открытку, из которой сужу, что ты не получил письмо, которое я тебе написала... Ты спрашиваешь, что с Вентой, мамой и папой. Я уверена, что они остались в Латвии, и больше не надеюсь их увидеть. Конечно, сейчас хочется об этом не думать.

Мне основные силы дает моя работа здесь, на фронте. Прошел год. Целый год я вместе с дивизией участвую в боях. Даже мало похожа на меня ту, какой я была в Риге. Ты меня теперь почти не смог бы узнать. Ты, конечно, понимаешь, что дает людям один год войны – на войне нашего времени.

Вспоминаю бесчисленные тяжелые переходы, то на жутком холоде, вместе с бойцами, то в свирепом огне боя, в метель, сжав зубы, таща раненых товарищей. Вспоминаю прошедшее лето: мы тогда лежали в окопах, в песке, где периодически нас засыпало песком от разорвавшихся вблизи снарядов. Но все это закаляло не только физически. Сформировались взгляды, воля, упорство. Нигде я не чувствовала такое единение, такую сплоченность, как здесь, на поле боя, когда все, как один, поднимались из окопа против немецких дзотов. Так близко и вокруг смерть, но ее не чувствуешь, так как в голове другая мысль – долг. Много об этом пишут, и это правда. Ну, хорошо. Ты также знаешь, какова жизнь на фронте, как живет здесь стрелок. Когда-нибудь позже опишу тебе отдельные эпизоды, которые пережила, если захочешь.

Помнишь – в Риге я была комсомолкой. Теперь я член ВКП (б), не удивляйся быстрому темпу. На фронте кандидатский стаж можно сократить до трех месяцев. Да, еще кое-что новое. Весь год я работала санитаркой. Теперь меня перевели инструктором в редакцию «Латвийского стрелка». Хожу по полкам, собираю материалы для газеты. Работа интересная, хотя и не легкая, так как приходится много ходить, в течение дня иногда до 25 км, а иногда сильный ветер и метель. Но уже привыкла. Когда возвращаюсь, вместе с редактором работаем над выпуском газеты, а после этого иду снова. Достаточно легко работать потому, что у меня много друзей. Мой полк меня любит, вместе участвовали в боях, и здесь в редакции все хорошие друзья, также в политотделе дивизии и в комсомольской организации. Это мне позволяет не думать о прошлых временах.

Видишь, не хватает бумаги. Жду ответа. Конечно, еще напишу. Передай привет, если встретишь кого-нибудь знакомых.

Зента

3. Волдемарс Калпиньш – Александру Норкусу в Москву, 13.12.1942

Товарищ Норкус!

Кажется, Вы все уже понимаете. Зенты Озолы больше нет. Она погибла, исполняя свой долг, 9 декабря. Пишу Вам эти строки как ее друг.

Наша Зента – так ее зовут седовласые мужи и молодежь. Такое имя – самая большая честь, которую боец может получить. Она этого заслуживает. 10 декабря ее за проявленный героизма наградили орденом Красной Звезды. Сама она его уже не увидела.

Мы ее вывезли с первой линии. Сами своими руками опустили ее в могилу и похоронили. Лежит она на холме, над которым шумят старые сосны. Никакой артиллерийский огонь противника не сможет сравнять это место с землей. Это единственное, что еще можно было сделать.

Но наше самое большое желание, чтобы после Зенты не осталась только могила. Она должна жить, если не иначе, то в нашей памяти. Мы приложим все силы, чтобы было именно так, и просим так же сделать всех, кто ее знает. Рассказывайте о ней не только ради нее самой, но и для того, чтобы на ее примере учились и следовали ее примеру. Чтобы выросли много отличных товарищей, образцовых работников и самоотверженных бойцов, какой была наша маленькая Зента.

Гвардии капитан В. Калпиньш (Примечание 1),
ответственный редактор газеты «Латвийский стрелок».

Примечание

1. Волдемарс Калпиньш (Voldemārs Kalpiņš, 1916–1995) после войны – известный политический и общественный деятель, редактировал ведущие газеты республики. В 1953–1962 гг. был министром культуры Лат.ССР, благодаря своей деятельности пользовался большой популярностью в народе. В конце 1950-х годов примкнул к группе так называемых «национал-коммунистов», выступивших против чрезмерной индустриализации и русификации республики, проводимой союзным центром и поддерживаемой некоторыми руководителями республики. В 1962 г. был снят с должности и назначен директором Литературного музея Райниса, после выхода на пенсию в 1983 г. 10 лет работал научным сотрудником Мемориального музея В. Лациса [См.: Voldemārs Kalpiņš; Latvian journalist; Веретенников 2019]. Почти через 50 лет после гибели Зенты Калпиньш рассказал о ней в статье в газете [Kalpiņš 1991].

В современной Латвии желание В. Калпиньша сохранить память о Зенте Озоле и ее товарищах по Латышской дивизии не только не актуально, а даже преступно, ибо в официальной государственной трактовке они были защитниками «оккупационной» власти. Для исторической же памяти России о Великой Отечественной войне материалы книги «Письма с фронта» продолжают представлять научный и общегражданский интерес. Причем, в отличие от монументальных памятников, письма нельзя снести и тем самым исключить из памяти следующих поколений.

Библиография

- Березовская А. Юлия и Лиесма // Русский мир, 2019. № 7. С. 12–13.
- Благов В. Девять огненных дней // Riga CV. 25.02.2008. URL: https://myriga.info/rigacv/articles/nacalo_voini (дата обращения: 15.10.2024).
- Веретенников В. Как Никита Хрущёв перевоспитывал латышских националистов // ИМНО. club.LV. 15.11.2019. URL: https://lv.imhoclub.com/ru/material/kak_nikita_hrushev_perevospitival_latishskih_nacionalistov (дата обращения: 10.01.2025).
- «Забывать латышского снайпера»: фильм // Платформа СМОТРИМ.РУ. 2023. URL: <https://smotrim.ru/brand/69297> (дата обращения: 27.12.2024).
- Исаев А.В. Приграничное сражение 1941. Первая битва Великой Отечественной. М.: Яуза, 2020. 704 с.
- Куровски Ф. Котёл смерти в Курляндии. М.: Центрполиграф, 2010. 319 с.
- Милонас Валентина Ивановна // Память народа. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie31318138 (дата обращения: 10.01.2025).
- Озола Зента Юльевна. История // Центральная городская библиотека им. Ф.М. Достоевского (Старая Русса). URL: <https://biblruusa.ru/history/persons/24614> (дата обращения: 10.01.2025)
- Озолс Зента Юльевна 1923 г.р. // Подвиг народа. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=150447222&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 10.01.2025)
- Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина. М.: Вече, 2010. 368 с.
- Подлубный В. Зента и Петерис, которые не долюбили, потому что была война // Дневник. Виктор Подлубный, Рига. 28.04.2016б. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5814203/post389742895> (дата обращения: 10.01.2025).
- Подлубный В. Зента. В поисках медицинской сестры на Братском кладбище // Дневник. Виктор Подлубный, Рига. 23.04.2016а. URL: // <https://www.liveinternet.ru/users/5814203/post389412842> (дата обращения: 10.01.2025).
- Ржавин А. В Риге снесен памятник Зенте Озоле // Александр Ржавин: [дневник]. 25.10.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZT1WGk9913Qjdp14>. (дата обращения: 10.01.2025).
- Савченко В.И. Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. Рига: Зинатне, 1975. 577 с.
- Савченко В. И. Семь огненных дней Лиеспаи, 23–29 июня 1941. Рига: Зинатне, 1985. 278 с.
- Шелякин А.А. Воспоминания командира 148-го стрелкового полка // Я помню: сайт фонда. 23.12.2008. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/shelyakin-aleksandr-andreevich/> (дата обращения: 07.10.2024).

(Divas) puses Latviešu kara stasti. Otra pasaules karavīru diensgrāmatās / Red. U. Neiburgs, V. Zelče. Rīga: Mansards, 2012. 424 p.

Frontinieku vēstules zīmējumi // Literatūra un Māksla. 1980.22.02.

Jermacāne I. Dezertēšana Sarkanās armijas 201. Latviešu strēlnieku divīzijā 1941.gada augustā – 1942. gada oktobrī // Vēsture: Avoti un Cilvēki. XIV. Daugavpils: Saule, 2011. P. 159–166.

Jermacāne I. Sarkanās armijas 201. (43. gvārdes) latviešu strēlnieku divīzija: sociālpolitiskie procesi, 1941. gada augusts – 1943. gada aprīlis. Promocijas darbs. Rīga, 2014.

Kalpiņš V. Latviešu zēni vācu lodēm neklanās. Par 43.gvardes latviešu strēlnieku Rīgas divīzija Lielajā Tēvijas karā // Cīņa. 1991.03.07.

Karavīru vēstules // Dzimtenes Balss. 1984. 11.10. No 41.

Lapiņa M. Latvijas kultūras vēsture XX gs. 40–80 gadi, Macību līdzeklis. Rīga: Raka, 2002. 202 p. Latvian journalist Voldemārs Kalpiņš // Peoplepill.com: [news and biographical information about people in the news]. URL: <https://peoplepill.com/i/voldemars-kalpins> (date of access: 10.01.2025).

LNA LVA, 185. f. (Lielā Tēvijas kara daļībnieki personiskie dokumenti), 5. apr. (Kara gadu vēstules). 71.l. 30–35 p.

Naida un cildenuma // Padomju Druva (Cēsis). 1987. 09.07.

Ozola Z mūsu uzdevumi // Latvijas Strēlnieks. 1942. 13.11.

Ozola Z. Uzvar komandiera Zelenko laudis // Latvijas Strēlnieks. 1942a. 7.11.

Radovics V. ‘Latvieši lodēm neklanās’ – ko mēs zinām un nezinām par latviešiem Sarkanajā armijā // Delfi.lv: [ziņu portāls]. 27.05.2021. URL: <https://www.delfi.lv/kultura/2094270/books/53232121/latviesi-lodem-neklanas-ko-mes-zinam-un-nezinam-par-latviesiem-sarkanaja-armija> (Date of access: 10.01.2025).

Strods H. Karš pēc kara // Noziegumi pret cilvēci: Latvian Site. 31.01.2004. URL: <http://lpra.vip.lv/strods2004janv.htm> (Date of access: 27.12.2024).

Vēstules no Frontes. Padomju Armijas latviešu vienību karavīru vēstules Lielā Tēvijas kara laikā / Sast. A.Ūdre. Rīga: Zinātne, 1984. 338 p.

References

Berezovskaia A. Iuliia i Liesma [Yulia and Liesma]. Russkii mir [Russian World]. 2019. N 7. P. 12–13. (In Rus.)

Blagov V. Deviat’ ognennykh dnei [Nine fiery days] // Riga CV. 25.02.2008. URL: https://myriga.info/rigacv/articles/nacalo_voini (date of access: 15.10.2024).

(Divas) puses Latviešu kara stasti. Otra pasaules karavīru diensgrāmatās [(Two) sides Latvian war stories. In the diaries of the Second World War soldiers]. Ed. U.Neiburgs, V. Zelče. Rīga: Mansards, 2012. 424 p. (In Latv.)

Frontinieku vēstules zīmējumi [Frontline Letter Drawings]. Literatūra un Māksla [Literature and Art]. 1980.22.02. (In Latv.)

Isaev A.V. Prigranichnoe srazhenie 1941. Pervaia bitva Velikoi Otechestvennoi [Border battle 1941. The first battle of the Great Patriotic War]. Moscow: Iauza, 2020. 704 p. (In Russ.)

Jermacāne I. Dezertēšana Sarkanās armijas 201. Latviešu strēlnieku divīzijā 1941.gada augustā – 1942. gada oktobrī [Desertion in the 201st Latvian Rifle Division of the Red Army in August 1941 – October 1942]. Vēsture: Avoti un Cilvēki. XIV [History: Sources and People. XIV]. Daugavpils: Saule, 2011. P. 159–166. (In Latv.)

Jermacāne I. Sarkanās armijas 201. (43. gvārdes) latviešu strēlnieku divīzija: sociālpolitiskie procesi, 1941. gada augusts – 1943. gada aprīlis [The 201st (43rd Guards) Latvian Rifle Division of the Red Army: socio-political processes, August 1941 – April 1943.]: Doctoral thesis. Rīga, 2014. (In Latv.)

Kalpiņš V. Latviešu zēni vācu lodēm neklanās. Par 43.gvardes latviešu strēlnieku Rīgas divīzija Lielajā Tēvijas karā [Latvian boys do not flinch from German bullets. About the 43rd Guards Latvian Rifleman Riga Division in the Great Patriotic War]. Cīņa [Battle]. 1991.03.07. (In Latv.)

Karavīru vēstules [Soldiers' letters] // Dzimtenes Balss [Voice of the Motherland]. 1984. 11.10. N 41.

Kurovski F. Kotel smerti v Kurliandii [Cauldron of Death in Courland]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 319 p. (In Russ.)

Lapiņa M. Latvijas kultūras vēsture XX gs. 40–80 gadi, Macību līdzeklis [Latvian cultural history of the 20th century. 40–80 years, Training tool.]. Rīga: Raka, 2002. 202 p. (In Latv.)

Latvian journalist Voldemārs Kalpiņš [Latvian journalist Voldemārs Kalpiņš]. Peoplepill.com: [news and biographical information about people in the news]. URL: <https://peoplepill.com/i/voldemars-kalpins> (date of access: 10.01.2025). (In Latv.)

LNA LVA – Latvijas Nacionālā arhīva, Latvijas Valsts arhīvs [Latvian National Archives, Latvian State Archives], 185. f. (Lielā Tēvijas kara dalībnieki personiskie dokumenti), 5. apr. (Kara gadu vēstule) [F. 185 (Personal documents of participants in the Great Patriotic War), 5. Apr. (War years' letters).]. 71.1. P. 30–35. (In Latv.)

Miliunas Valentina Ivanovna [Milyunas Valentina Ivanovna]. Pamiat' naroda [Memory of the People]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie31318138 (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)

Naida un cildenuma [Hatred and nobility]. Padomju Druva (Cēsis) [Soviet Druva (Cēsis)]. 1987. 09.07. (In Latv.)

Ozola Z mūsu uzdevumi [Our tasks]. Latvijas Strēlnieks [Latvian Rifleman]. 1942, 13.11. (In Latv.)

Ozola Z. Uzvar komandiera Zelenko laudis [The victory of Commander Zelenko]. Latvijas Strēlnieks [Latvian Rifleman]. 1942. 7.11. (In Latv.)

Ozola Zenta Iul'evna. Istoriiā [Ozola Zenta Yulievna. History]. Tsentral'naia gorodskaiā bibliote-ka im. F.M. Dostoevskogo (Staraiā Russa) [Central City Library named after. F.M. Dostoevsky (Staraya Russa)]. URL: <https://biblru.ssa.ru/history/persons/24614> (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)

Ozols Zenta Iul'evna 1923 g.r. [Ozols Zenta Yulievna, born in 1923]. Podvig Naroda [Feat of the People]. URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=150447222&tab=navDetailManAward> (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)

Petrenko A.I. Pribaltiiskie divīziji Stalina [Stalin's Baltic Divisions]. Moscow: Veche, 2010. 368 p. (In Russ.)

Podlubnyi V. Zenta i Peteris, kotorye ne doliubili, potomu chto byla voina [Zenta and Peteris, who did not love each other because there was a war]. Dnevnik. Viktor Podlubnyi, Riga [Diary. Viktor Podlubny, Riga]. 28.04.2016b. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5814203/post389742895> (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)

Podlubnyi V. Zenta. V poiskakh meditsinskoi sestry na Bratskoye kladbishche [Zenta. In Search of a Nurse at the Bratskoye Cemetery]. Dnevnik. Viktor Podlubnyi, Riga [Diary. Viktor Podlubny, Riga]. 23.04.2016a. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/5814203/post389412842> (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)

Radovics V. 'Latvieši lodēm neklanās' – ko mēs zinām un nezinām par latviešiem Sarkanajā armijā [‘Latvians do not flinch at bullets’ – what we know and do not know about Latvians in the Red Army]. Delfi.lv: [news portal]. 27.05.2021. URL: <https://www.delfi.lv/kultura/2094270/books/53232121/latviesi-lodem-neklanas-ko-mes-zinam-un-nezinam-par-latviesiem-sarkanaja-armija> (date of access: 10.01.2025). (In Latv.)

Rzhavin A. V Rige snesen pamiatnik Zente Ozole [Monument to Zenta Ozole demolished in Riga]. Aleksandr Rzhavin: [dnevnik] [Aleksandr Rzhavin: [diary]]. 25.10.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZTIWGk9913Qjdp14>. (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)

Savchenko V. I. Sem' ognennykh dnei Liepai, 23–29 iunija 1941 [Seven fiery days of Liepaja, June 23–29, 1941.]. Riga: Zinatne, 1985. 278 p. (In Russ.)

Savchenko V.I. Latyshskie formirovaniia na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny [Latvian formations on the fronts of the Great Patriotic War]. Riga: Zinatne, 1975. 577 p. (In Russ.)

Sheliakin A.A. Vospominaniia komandira 148-go strelkovogo polka [Memories of the commander of the 148th rifle regiment]. Ia pomniu [I remember]: the foundation's website. 23.12.2008. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/shelyakin-aleksandr-andreevich/> ((date of access: 07.10.2024). (In Russ.)

Strods H. Karš pēc kara [War after War]. Noziegumi pret cilvēci [Crimes against Humanity]: Latvian Site. 31.01.2004. URL: <http://lpra.vip.lv/strods2004janv.htm> (Date of access: 27.12.2024). (In Latv.)

Veretennikov V. Kak Nikita Khrushchev perevospityval latyshskikh natsionalistov [How Nikita Khrushchev Re-Educated Latvian Nationalists] // Umno club.by. 15.11.2019. URL: https://lv.imho-club.com/ru/material/kak_nikita_hrushev_perevospitival_latishskih_nacionalistov (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)

Vēstules no Frontes. Padomju Armijas latviešu vienību karavīru vēstules Lielā Tēvijas kara laikā [Letters from the Front. Letters from soldiers of Latvian units of the Soviet Army during the Great Patriotic War]. Compiled by A.Ūdre. Riga: Zinātne, 1984. 338 p. (In Latv.)

«Zabyt' latyshskogo snajpera» [“Forget the Latvian Sniper”]: film. Platforma SMOTRIM.RU [SMOTRIM.RU Platform.]. 2023. URL: <https://smotrim.ru/brand/69297> (date of access: 10.01.2025). (In Russ.)